

«В последнее время много спорили о поэме: живет она или умирает? Думаю, что сами поэты лучшим образом разрешили этот спор: вон сколько интереснейших поэм напечатано совсем недавно».

(Из письма Г. Шевелевой, Москва)

С этим мнением читательницы солидарен Е. Абрамов из Калинин: «Когда читаешь последние поэтические публикации или, говоря словами Маяковского, проходишь «по строчечному фронту», замечаешь одну особенность: жанр поэмы, жизнеспособность которого еще не так давно брали под сомнение, вдруг выдвинулся на первый план, потеснив другие жанры. Я преувеличиваю? Тогда вспомните недавно удостоенные Государственной премии СССР поэмы Роберта Рождественского «Двести десять шагов» и Василия Федорова «Женитьба Дон-Жуана». Вспомните «Даль памяти» Егора Исаева, ныне вместе с другой его поэмой — «Суд памяти» — выдвинутую на соискание Ленинской премии. Или недавно опубликованные поэмы Бориса Олейника, Анатолия Преловского, Давида Самойлова, Вадима Кузнецова...».

Полковник медицинской службы в отставке, ветеран Великой Отечественной войны А. Попов (Москва) вспомнил в письме к нам об эпических традициях советской поэзии, утвержденных А. Блоком, В. Маяковским, С. Есениным, Д. Бедным. Эти традиции, по мнению А. Попова, оказались подхваченными и развитыми в поэмах Егора Исаева.

«Подлинная глубинная гражданственность и историзм — вот что пронизывает поэму «Даль памяти», — пишет А. Попов и, продолжая размышлять о традициях, на которые опирается поэт, приводит вот какую цитату: — «Родная вса! А было как? А было: народ великий испокон веков пахал ее, обстраивал, — не гостем жил на земле и тут и там, вдали. А у народа, окромя погоста, — подумать больно! — не было земли. В этих строках, — замечает читатель, — сама человеческая боль. Это и есть новаторское освоение того лучшего, что было завещано русским поэтам еще Некрасовым».

Интересным оказалось и письмо читательницы из Риги М. Домшлаг, в котором она сопоставила поэму Е. Исаева «Даль памяти» с не так давно опубликованной в «Литературной газете» его статьей «Солдат Исаковского»: «Потому и смог Исаев с таким тончайшим психологизмом вскрыть природу негнбимого мужества героев Исаковского, что его собственные, исаевские, герои — родные их братья. Братья по крови, по духу, по национальному характеру».

Кстати, случайно ли или потому, что в воздухе чувствуется дыхание приближающегося праздника — тридцатипятилетия Победы советского народа над гитлеровским фашизмом, но многие читатели в своих письмах обращаются именно к поэмам о минувшей войне. Так, В. Распохин из Крас-

ноярска считает, что Р. Рождественскому особенно удалась в поэме «Двести десять шагов» глава, где речь идет о подвиге молодого лейтенанта, С. Мирошенков из Калуги высоко оценивает поэму Олега Шестинского «Одиссея Михаила Петрова». А Н. Шутова из Алупки выписала в своем письме к нам такие строки: «Не будем искать поученья в любовном разговоре, я просто представил сегодняшним солнечным днем, какое тут было студеное мертвое море и юность какая тонула под пулями в нем». «Так заканчивается, — продолжает Н. Шутова, — поэма нашего крымского поэта Николая Тарасенко «Девятый вал», посвященная героическим черноморским десантникам. Поэма напечатана в книге Н. Тарасенко, вышедшей в прошлом году в «Таврии», и, право, будет жаль, если эта

номере «Нашего современника» за этот год».

(Из письма И. Брио, Кемерово)
«Прочитала в «Нашем современнике» драматическую поэму Ольги Фокиной и, по правде говоря, не поняла, зачем поэтесса отдала ее в печать: в ней столько недоделок, столько сумбура. А главное — мне кажется, что и сам автор не ответит на вопрос: ради чего написана эта поэма?»

(Из письма С. Барабановой, Хабаровск)

Что читатели учивают эту «дьявольскую разницу», показывает письмо Л. Попова (мы его уже частично цитировали) о поэмах Е. Исаева. «Даль памяти», — пишет Л. Попов, — произведение эпическое, в котором форма и содержание представляют собой некий цельный монолит. Великолепны внутренние рифмы в строке, звучные интонационные пере-

петух, чем молодой; да весь протух!» И Старый колхозник в долгу не остается: «Тебе бы хвост да грива, так хоть куда — кобыла!» Оригинальный диалог, не правда ли?» (Г. Литвинцева, Саратов)

И опять — уже в пользу О. Фокиной: «Как глубоко проникает поэтесса в самые души своих героев! Как естественно раскрываются они перед читателем!» (Е. Райш, Пенза)

Не сходятся читатели и во мнениях относительно жанровой правоты поэтессы, давшей своей вещи подзаголовок «Драматическая поэма». Так, уже знакомые нам одесситы Г. Юнина, В. Рябовол и Т. Жукова сетуют на то, что «на протяжении всего повествования каждый из персонажей появляется и тут же исчезает, исключая «положительную» Веру и «отрицательную» Клаву, которая впоследствии пре-

ее герои навсегда остаются в нашей памяти».

А главное, в чем не сходятся читатели, — это в ответе на вопрос, заданный уже цитированной нами С. Барабановой: «Ради чего написана поэма?».

И тут самые разноречивые мнения — от восхищения некоем художественной смелостью О. Фокиной до обвинения ее в искажении действительности.

Вот, например, что пишет Т. Гоучавер из города Ново-зыбкова:

«В первой части поэмы выясняется, что в изображенном О. Фокиной колхозе некому работать. Деревенские жители разбежались почти все. Молодая девушка Клава, хорошая работница, просит председателя отпустить ее в город, где ей почудилась большая любовь. Председатель не дает ей справку. Клава совершает не-

обобщает такого рода явления!»

Нет, товарищ Гоучавер, вы не ощутили пафоса поэтессы.

Псковитянин О. Штыков, на наш взгляд, куда ближе к истине: «Право поэта — замечать имеющиеся у нас неполадки и привлекать к ним внимание общественности. Ольга Фокина написала поэму о том, что все меньше остается преданных деревне людей на Вологодчине. Это, грубо говоря, публицистическая идея ее вещи. Боль — вот что движет пером поэтессы. Но еще и надежда. Она явственно слышится в самом названии поэмы. «Останься со мной» — это призыв, произнесенный Фокиной от имени вологодской деревни, и надежда на то, что призыв будет услышан».

Вот с такой расшифровкой идеи драматической поэмы О. Фокиной мы, повторим, согласны. Но при этом заметим, что и в конкретных замечаниях читателей по языку поэмы, по ее композиции тоже есть свой резон. Будем надеяться, что эти замечания пойдут на пользу автору, окажут ему реальную помощь в окончательной отделке произведения, жанр которого обозначен как «драматическая поэма». То есть не драма, а драма в стихах — «дьявольская разница!»

А в заключение процитируем письмо читательницы Г. Шевелевой, с которого мы начали наш обзор. Она вспомнила такие строки из поэмы Владимира Соколова «Сюжет»: «Вот вам конспект лирической поэмы. Песочек, отмель возле глубины. Любовь к искусству... Остальные темы из отдаленья к ней подключены». «Перефразировав это, — пишет Г. Шевелева, — я бы сказала так: все, достойное внимания читателя, вбирает в себя современная поэма, к которой — уж не знаю: «из отдаленья» или из близости — подключены самые животрепещущие темы современности!»

ОТДЕЛ КРИТИКИ «ЛГ»

ПОЭЗИЯ: МНЕНИЯ И СОМНЕНИЯ

« ПО СТРОЧЕЧНОМУ ФРОНТУ... »

РЕДАКЦИЯ ПОЛУЧИЛА НЕМАЛО ПИСЕМ ЧИТАТЕЛЕЙ О СОСТОЯНИИ ЖАНРА СОВРЕМЕННОЙ ПОЭМЫ. СЕГОДНЯ МЫ ПЕЧАТАЕМ ОБОЗРЕНИЕ ЭТИХ ПИСЕМ.

книга останется незамеченной всесоюзным читателем».

То же сожаление слышится и в письме жителя Архангельска К. Норова о книгах своих земляков-северян — вологодского поэта Александра Романова «Северные поэмы» и петрозаводского поэта Валентина Устинова «Большак». «Впрочем, — пишет К. Норов, — Устинов сейчас переехал в Москву, так что можно надеяться, что критика не пройдет мимо этой его книги поэм и даже, быть может, сопоставит ее с интересной поэмой Сабита Мадалиева «Разыскиваю», напечатанной в этом году во втором номере «Дружбы народов» и тоже написанной человеком, чье детство опалила война. Но книга А. Романова вышла у нас в Архангельске, и потому есть основания сомневаться, прочтут ли ее любители поэзии в других городах Союза».

Конечно, не столько ради сетования на то, что тот или иной поэт, живущий на периферии, рискует остаться непрочитанным, берутся за перо наши читатели из «глубинки».

Многочисленные письма в редакцию говорят о том, что поэмы читают, читают вдумчиво, пристрастно, интересуясь не только темой, которую поднимает в своей поэме автор, но и средствами воплощения этой темы. Иными словами, как написал в редакцию В. Филимонов из Донецка, «мы помним ценнейшее замечание Пушкина о том, что между романом и романом в стихах, между, стало быть, прозаическим произведением и произведением поэтическим — «дьявольская разница».

«Давно, еще с первых ее публикаций, я любил творчество Ольги Фокиной. С наслаждением прочитал ее новую драматическую поэму «Останься со мной», опубликованную в первом

ходы в строках, смысловые аллитерации. Богат и интересен словарь поэта».

А вот — мнение о художественных особенностях другого произведения. «Как же можно так изощренно издеваться над русским языком, так коверкать слова, — пишут в редакцию о новой поэме Ольги Фокиной сотрудники Одесской научно-технической библиотеки Г. Юнина, В. Рябовол и Т. Жукова. И приводят такие строки: «Снега в душе давно нависли и вот — подтаяли, и — шмяк! И — вдребезги!» Как это снега, — недоумевают авторы письма, — могут биться вдребезги?»

По двум причинам мы вынесли в эпиграф этой главы два резко противоположных читательских мнения о драматической поэме О. Фокиной «Останься со мною». Во-первых, потому, что этой поэме посвящено наибольшее количество писем. А во-вторых, потому, что письма читателей о ней — невольная и постоянная полемика друг с другом.

Вот — ответ читателям из Одессы: «А язык поэмы — что за чудный язык! «Не догадалась! Охти мне! Вдургорядя надо быть умней! Не помешает тостик — ведь вы и вправду — гости!» Как бережно сохраняет поэтесса все речевые оттенки Вологодчины!» (А. Плющев, Новгород)

А вот — в свою очередь полемика с А. Плющевым: «Одна из героинь поэмы, Клава, так кокетничает со Старым колхозником: «А лучше старый, да

вращается в «тень Клавы», в «голос Клавы» и пугает людей по болотам и низинам (ни дельта ни взять — тень отца Гамлета!). Ну, правда, блаженный Председатель «красной нитью» прошивает всю поэму». Но, с другой стороны, вот мнение И. Силантьевой из Рыбинска: «Речевые характеристики персонажей настолько яркие и самобытные, что, уходя из поэмы,

